

17. Подгурецкий, А. Очерк социологии права / А. Подгурецкий. М. : Прогресс, 1974. 328 с.
18. Тимашев, Н.С. Что такое социология права? / Н.С. Тимашев // Социол. исслед. 2004. № 4. С. 107–112.

Дата поступления в редакцию: 14.01.14

A.A. Kozel, PhD of philosophical sciences, associate professor, professor of the chair of theory and the history of state and law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE DISCIPLINARY STATUS OF THE SOCIOLOGY OF LAW

The article is devoted to the problem of determining of the disciplinary status of the sociology of law. The sociological and legal argumentations of national, as well as russian and western researchers were analyzed. The conclusion about the fructuousness understanding of the interdisciplinary nature of the sociology of law that requires the combined creative efforts of lawyers and sociologists is done.

Keywords: sociology of law, legal sociology, sociological jurisprudence, social conditionalism of law, vital right, sociologization of jurisprudence.

УДК 94(476)«1941/1945»

С.Ф. Лапанович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: sergl976@tut.by)

**СОЗДАНИЕ ВЫСШИХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ
ПО ЭВАКУАЦИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ
ИЗ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ СССР
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Окончание. Начало в № 29 (26) за 2013 г.

Статья посвящена созданию чрезвычайных органов по эвакуации материальных и людских ресурсов из западных регионов страны в связи с нападением нацистской Германии. Рассматриваются образование и составы Совета по эвакуации и Управления по эвакуации населения, основные направления их работы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, чрезвычайные органы, эвакуация, беженцы, Совет по эвакуации, Управление по эвакуации населения.

11 июля 1941 г. по решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) при Совете по эвакуации была создана специальная группа инспекторов во главе с А.Н. Косыгиным, контролирующая проведение эвакуации предприятий. Этим же постановлением были определены «первоочередники» эвакуации на Восток [1, с. 160]. Под контролем группы из прифронтовой зоны во второй половине 1941 г. на восток полностью или частично было вывезено 1523 предприятия, в том числе 1360 крупных.

От Совета по эвакуации требовались быстрые и эффективные решения. Как результат кадровых изменений работа Совета стала проходить оперативнее, заранее готовились вопросы для обсуждения на заседаниях [2]. По свидетельству М.Г. Первухина, Совет по эвакуации с участием представителей наркоматов и почти всегда с участием представителя Наркомата путей сообщения (НКПС) уточнял представленные проекты решений, определял сроки эвакуации, пункты размещения и количество требуемых для этого железнодорожных вагонов. Проекты постановлений об эвакуации вместе с короткой запиской посылались на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО [3, с. 75]. Затем по каждому крупному предприятию, подлежащему эвакуации, принималось согласованное решение с указанием сроков перебазирования, необходимого количества вагонов, скорости продвижения грузов и т. д. Постановления Совета по эвакуации немедленно поступали в НКПС и соответствующие наркоматы для исполнения. С середины июля 1941 г. Совет по эвакуации совместно с НКПС стал составлять планы эвакуационных перевозок материальных и людских ресурсов на каждую декаду месяца, которые утверждались ГКО [3, с. 75].

Как подчеркивает российский исследователь Ф.А. Киселев, все члены Совета по эвакуации одновременно (специфика военного времени) курировали и деятельность различных отраслей народного хозяйства и обороны страны, занимаясь не только вопросами эвакуации из прифронтовой полосы, но и отвечая за немедленное возобновление работы предприятий в глубине страны. Н.М. Шверник курировал работу наркоматов морского флота, речного флота и наркомат связи, а А.И. Микоян – вопросы запасов продовольствия, топлива и хлебных ресурсов. А.Н. Косыгин курировал работу наркоматов текстильной, легкой, лесной, химической, резиновой, бумажной промышленности, Главного управления лесного сбыта, наркоматов строительства, строительных материалов, здравоохранения. Также под его контролем находились научные, культурные и государственные учреждения. Л.М. Каганович отвечал за наркоматы авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов, судовой промышленности. В связи с тем что каждому члену Совета по эвакуации пришлось курировать несколько наркоматов, то для оказания содействия и координации внутри каждого из ведомств были созданы рабочие группы (комитеты) [4].

По воспоминаниям уполномоченного Совета по эвакуации Л.И. Погребнова, аппарат этого учреждения включал 80–85 человек и состоял из служащих СНК СССР и РСФСР, Госплана СССР, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС), народных комиссариатов СССР и РСФСР. Работники аппарата были разделены на три группы. Одна группа занималась эвакуацией промышленных предприятий, институтов, организаций и учреждений, рабочих и служащих этих предприятий и организаций, а также размещением их на новых местах. Ее возглавляли И.Ф. Семичастнов (руководил эвакуацией оборонной промышленности) и А.М. Протасов (руководил эвакуацией остальных отраслей промышленности). Вторая группа во главе с К.Д. Памфиловым занималась эвакуацией населения, третья группа под руководством Ф.Т. Измайлова – транспортными средствами [5, с. 202–203].

Для советского руководства важнейшей задачей наряду с вывозом материальных ресурсов была эвакуация населения. В условиях войны невозможно было эвакуировать всех людей, поэтому государством были определены категории населения, являющиеся приоритетными. Эвакуация проводилась на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и директивы ГКО от 7 августа 1941 г. Было определено, что «...в первую очередь эвакуации подлежат... квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники» [6, с. 208]. Общее руководство эвакуацией населения страны на первом этапе (лето – осень 1941 г.) осуществлял специальный отдел при Совете по эвакуации при СНК СССР. Для оказания помощи эвакуируемому населению из союзного бюджета в середине июля 1941 г. было ассигновано 10 млн р. [7, с. 32].

Как отмечает Ф.А. Киселев, этого оказалось недостаточно для массовой и четкой эвакуации населения. Первые дни эвакуации показали, что был необходим еще более жесткий контроль и строжайшая организация эвакуации населения в связи с растущим потоком людей. При распределении обязанностей между членами Совета, вопросы проведения эвакуации населения, организации питания и обслуживания эвакуируемого населения были возложены на члена Совета от силового ведомства – В.С. Абакумова [4].

Особенно большие трудности были у советского правительства при эвакуации материальных и людских ресурсов с территории БССР, на которую 22 июня 1941 г. пришелся основной удар нацистских агрессоров – группы армий «Центр». Почти сразу ЦК КП(б) БССР принял решение о немедленной эвакуации детей и материальных ценностей из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий. 24 июня 1941 г. началась эвакуация женщин и детей из Минска в связи с интенсивными бомбардировками [3, с. 87].

Из-за быстрого продвижения армии вермахта оказалось невозможным организовать широкую эвакуацию из западных областей БССР: Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской. Тем не менее в восточной части республики эвакуация в целом была проведена. Только из Гомеля и области ежедневно отправлялось в тыл не менее 250–300 вагонов с эвакогрузами [3, с. 87]. 18 августа 1941 г. в докладной записке на имя председателя ГКО И.В. Сталина первый секретарь ЦК КП(б) БССР П.К. Пономаренко сообщал, что 83 наиболее значительных предприятия эвакуированы полностью, в том числе станкостроительные заводы «Гомсельмаш», Могилевский авиазавод, Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный завод, Труболитейный завод, судоремонтные мастерские и др. В записке также сообщалось, что в тыловые районы удалось вывезти более 16,5 тыс. единиц ценного технологического оборудования, 842 т цветных металлов, 44 км силового кабеля, более 3400 вагонов готовой продукции, свыше 2130 вагонов металлолома, а также 44 765 т зерна, 600 тыс. голов скота, 4 тыс. тракторов, 400 комбайнов, 150 молотилок и т. д. [8, с. 19].

Всего из БССР (преимущественно из Витебской, Гомельской и Полесской областей) в тыловые районы СССР было эвакуировано свыше 1,5 млн человек, 109 крупных и средних промышленных предприятий (из них 39 союзного и 70 республиканского значения) [8, с. 19].

26 сентября 1941 г. постановлением ГКО при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения [1, с. 34], которое возглавил заместитель председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилов, одновременно введенный в состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета [5, с. 9–10].

В наркоматах, республиках и областях создавались комиссии по эвакуации. По ходу следования и в конечные пункты прибытия транспорта Совет по эвакуации направлял своих уполномоченных. Уполномоченные Совета имелись и во всех союзных наркоматах, в районах эвакуации, на крупных железнодорожных узлах. Они повседневно контролировали движение поездов с людьми [4]. На всех железнодорожных направлениях на крупных станциях были созданы эвакобазы, где многие эвакуированные граждане получали горячее питание, продукты в дорогу, медицинскую помощь. Снабжением эвакобаз и обеспечением эвакуированного населения продуктами питания ведал заместитель наркома торговли СССР Г.Ф. Шорин, а медицинской помощью – заместитель наркома здравоохранения СССР С.И. Миловидов [5, с. 202].

К середине осени 1941 г. для высшего руководства страны приоритетной становится эвакуация конкретных отраслей народного хозяйства, поэтому ГКО принимает постановление от 25 октября 1941 г. № 834 «О создании Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования легкой и пищевой промышленности». В нем предписывалось: «1. Образовать Комитет по эвакуации в глубь страны из районов прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфакту-

ры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды в составе: 1. Микоян (председатель), 2. Косыгин, 3. Каганович, 4. Смирнов, 5. Зотов, 6. Шашков; 2. Обязать Комитет производить эвакуацию всеми средствами: железными дорогами, водным транспортом, автомобилями и подводами; 3. Обязать Комитет представить 26 октября план эвакуации грузов, перечисленных в пункте 1» [1, с. 33, 159]. Данный Комитет (в других источниках – Совет) включал несколько членов Совета по эвакуации и фактически дублировал его работу. Через два месяца, 25 декабря 1941 г., постановлением ГКО № 1066 Совет по эвакуации был расформирован.

Несмотря на несомненные успехи эвакуации, связанные со спасением значительной части материальных ресурсов от непосредственной угрозы со стороны противника, в тылу сложилась непростая ситуация. Как отмечал А.И. Микоян, к середине декабря 1941 г. на железных дорогах застряло значительное количество железнодорожных эшелонов с эвакуируемым оборудованием и другими грузами. НКПС был не в состоянии «разрубить» этот узел. Другие наркоматы не торопились разгружать эшелоны с прибывшим оборудованием и материалами, так как не подготовили еще производственные площадки под поступающее оборудование, а складов не хватало. Фактически они превращали эшелоны в склады на колесах [7, с. 37]. Поэтому 25 декабря 1941 г. с целью наведения порядка с эвакуированными ресурсами уже внутри страны было принято решение о создании Комитета разгрузки железных дорог от застрявших грузов в составе А.И. Микояна (председатель), А.Н. Косыгина, Л.М. Кагановича, А.Н. Вознесенского, А.В. Хрулева [9, с. 34]. Постановлением ГКО от 14 сентября 1942 г. № 1279 он был преобразован в Транспортный комитет при ГКО (председатель И.В. Сталин), который проработал до мая 1944 г. [1, с. 35].

Опыт эвакуации начального периода войны не был забыт. Он вновь оказался востребованным уже через год после начала нацистской агрессии. В связи с поражением под Харьковом положение на фронте для Красной армии в июне 1942 г. снова осложнилось. Опять остро встал вопрос об эвакуации. Правда, как отмечает профессор Г.А. Куманев, в этот раз она проходила с ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ [3]. Постановлением ГКО от 22 июня 1942 г. № 1922 при Государственном Комитете Обороны была создана новая Комиссия по эвакуации в составе Н.М. Шверника, А.И. Микояна, А.Н. Косыгина, М.З. Сабурова, В.Н. Меркулова (НКВД), Б.Н. Арутюнова (НКПС), П.А. Ермолина (заместитель начальника тыла Красной армии) [1, с. 35]. Опираясь на опыт по перемещению производительных сил в 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакуопунктов, эвакуобаз и эвакукомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны. В течение лета – осени 1942 г. удалось эвакуировать значительную часть промышленного оборудования, материальные и культурные ценности, вывезти сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти для военной экономики СССР значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта [8, с. 25–27].

Таким образом, еще одним образцом мужества и самопожертвования в годы войны стало проведение эвакуации материальных и людских ресурсов из западных регионов СССР в тяжелейших условиях начального периода Великой Отечественной войны. В короткий срок в глубь страны удалось вывезти из фронтовой и прифронтовой полосы около 25 млн человек (причем 17 млн из них в июне – декабре 1941 г.), 1523 промышленных предприятия, эвакуировать ряд научных институтов, лабораторий, школ, библиотек, уникальные произведения из музеев и т. д.

Важнейшую роль в этом процессе сыграли специально созданные чрезвычайные органы, и прежде всего Совет по эвакуации и Управление по эвакуации населения, а также Комитет по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования легкой и пищевой промышленности. Именно в целом эффективные и умелые действия этих учреждений по спасению от противника значительной части промышленных и сельскохозяйственных предприятий, материальных и культурных ценностей позволили военной экономике СССР успешно противостоять Третьему рейху, на обеспечение которого работала значительная часть оккупированной Европы. Более сложным был процесс эвакуации различных категорий мирного населения, когда безусловные успехи по вывозу определенных категорий населения сочетались с невозможностью спасти всех жителей, которых в условиях нацистской оккупации ожидала политика массового уничтожения и геноцида.

1. Горьков, Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы / Ю.А. Горьков. М., 2002. 575 с.

2. Ешпанов, В. Эвакуация населения СССР железнодорожным транспортом в годы войны (1941–1945) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rurociagi.com/spis_art/2008_1/pdf/ewakuacja.pdf. Дата доступа: 25.04.2013.

3. Куманев, Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945 / отв. ред. Ю.А. Поляков ; АН СССР, отделение истории. М., 1988. 367 с.

4. Киселев, Ф.А. Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. / Ф.А. Киселев. Н. Новгород, 2004. 23 с.

5. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. ст. и воспоминаний. М., 1966. 263 с.

6. Из истории Великой Отечественной войны. Начало войны (22–30 июня 1941 г.) // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201.
7. Микоян, А.И. В Совете по эвакуации / А.И. Микоян // Воен.-ист. журн. 1989. № 3. С. 31–38.
8. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
9. Комаров, Я.Я. Государственный комитет обороны постановляет... / Я.Я. Комаров. М., 1990. 430 с.

Дата поступления в редакцию: 04.07.13

S.F. Lapanovich, PhD of historical sciences, associate professor, lecturer of the chair of theory and the history of state and law of the Academy of the the MIA of the Republic of Belarus

THE FORMATION OF HIGHER EMERGENCY AGENCIES OF THE EVACUATION OF MATERIAL AND HUMAN RESOURCES IN THE WESTERN REGIONS OF THE USSR IN THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the formation of emergency agencies of the evacuation of material and human resources in the western regions of the country due to the attack of the Nazi Germany. The problems of the formation and the participants of the Council of the evacuation and the Department of the evacuation of the inhabitants, the main areas of their work are approached.

Keywords: the Great Patriotic war, emergency agencies, evacuation, refugees, Council of the evacuation, Department of the evacuation of the inhabitants.

УДК 340.13(043.3)

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: vadim_pavlov@tut.by)

1700-ЛЕТИЕ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА И НАЧАЛА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Часть 2. Новоевропейская правовая доктрина и возможность христианского правового дискурса)

Продолжение. Начало в № 2 (26) за 2013 г.

Рассматривается проблема формирования новоевропейской политико-правовой доктрины в контексте ее распространения в качестве универсальной правовой парадигмы. Делается вывод, что для корректного описания правовой реальности незападных государств необходимо разработать христианский правовой дискурс – дискурс, в котором существенное значение занимает корреляция антропологических практик с законодательством. Формирование нового дискурса должно начинаться с тщательного генеалогического исследования легализации христианства в 313 г.

Ключевые слова: христианство, новоевропейская правовая доктрина, антропологическая практика, Византия, христианский правовой дискурс, Миланский эдикт.

В мировой истории издание Миланского эдикта явилось эпохальным событием прежде всего потому, что возникло христианское государство, ставшее цивилизационно-культурным основанием для всех государств цивилизации Запада и христианского Востока. Легализация христианства породила сразу несколько новых, ранее неизвестных греко-римской правовой традиции феноменов: христианскую государственную власть, христианское право, модели взаимоотношений между христианской церковью и властью в рамках христианского государства, а также заложило предпосылки для формирования христианского правового дискурса. Приходится констатировать, что из всех этих феноменов именно христианский правовой дискурс и сама его возможность остаются практически неисследованными.

Новоевропейская правовая доктрина и цивилизационно-культурное отличие христианского Запада и Востока. Как мы отмечали в первой части настоящего исследования, начиная с XVII в. ввиду установившегося в правовой науке господства новоевропейской политико-правовой доктрины правовые модели, связанные с христианством прежде всего на основе византийской юридической практики, не получили своего развития и были вытеснены. В частности, в юриспруденции не был сформирован методологический аппарат и язык, дающий возможность корректно описать теоретические параметры функционирования христианского (на основе византийского) права и саму христианскую (на основе византийской) правовую реальность. В эпоху Просвещения Восточная Римская империя в той или иной степени подверглась идеологическим инсинуациям как оплот феодального, клерикального, якобы препятствующего прогрессу порядка, вследствие чего попытки создать методологию на основе изучения византийского правового наследия были пресечены. Типичным примером является история с рецепцией римского права, когда путем изучения *Corpus juris civilis* начиная с XI в. на Западе шла работа по анализу и комментированию Дигест, через которые глоссаторы открывали для себя сокровищницу римского права классического периода. Парадоксальным было то, что глоссаторы, равно как и их последователи, жили и работали в христианской цивилизации, однако в своей работе через изучение именно Дигест они сознательно обращались к дохристианской римской традиции, в духе эпохи Возрождения рассматривая ее в качестве правового идеала. Византийские же правовые разработки, которые представляли